

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В. ЛОМОНОСОВА

На правах рукописи

Куташевская Яна Сергеевна

**Автономия воли при определении права, применимого к
обязательствам из причинения вреда**

Специальность 5.1.3 – частно-правовые (цивилистические) науки

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени

кандидата юридических наук

Москва - 2024

Диссертация подготовлена на кафедре гражданского права юридического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Научный руководитель – **Кучер Алёна Николаевна**,
кандидат юридических наук, доцент

Официальные оппоненты – **Канашевский Владимир Александрович**,
доктор юридических наук, профессор,
ФГАОУ ВО «Московский государственный
юридический университет имени О.Е.
Кутафина (МГЮА)», кафедра
международного частного права,
заведующий кафедрой;
Монастырский Юрий Эдуардович,
доктор юридических наук, профессор,
ФГАОУ ВО «Московский государственный
институт международных отношений
(университет) Министерства иностранных
дел Российской Федерации»,
международно-правовой факультет,
кафедра международного частного и
гражданского права им. С.Н. Лебедева,
профессор;
Новикова Татьяна Васильевна,
кандидат юридических наук, доцент,
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный
университет», юридический факультет,
кафедра гражданского процесса и
международного права, доцент.

Защита диссертации состоится «18» сентября 2024 г. в 15 часов 00 минут на заседании диссертационного совета МГУ.051.1 Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова по адресу: Москва, Ленинские горы, д.1, стр.13-14, 4-й учебный корпус, Юридический факультет, ауд.536а.

E-mail: dissovet@law.msu.ru

С диссертацией можно ознакомиться в отделе диссертаций научной библиотеки МГУ имени М.В. Ломоносова (Ломоносовский просп., д. 27) и на портале: <https://dissovet.msu.ru/dissertation/3065>

Автореферат разослан «___» июня 2024 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
доктор юридических наук, доцент

Н.В. Щербак

I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы диссертационного исследования обусловлена глобализацией гражданского оборота, предопределяющей обширность трансграничных взаимодействий и интеграцию иностранных элементов в различные правовые порядки. Следствием этого являются высокие риски возникновения охранительных обязательств и необходимости применения деликтных компенсаторных механизмов¹. Злободневность данной проблематике придает растущая роль частных лиц в формировании индивидуализированного правового регулирования посредством обращения к свободному выбору применимого права. Подобная индивидуализация в международном частном праве воплощается в автономии воли.

В силу особой природы и возрастающей роли саморегулирования в трансграничных обязательствах, правоведы все более склонны характеризовать автономию воли в качестве принципа² или фундаментального начала³ международного частного права. Т.К. Грациано утверждает, что современные европейские национальные и наднациональные правила свидетельствуют об отнесении автономии воли к числу общих принципов коллизионного регулирования деликтных обязательств⁴. М. Мандери отмечает, что принцип автономии воли все более тяготеет к распространению на деликтный статут⁵ и иные сферы, в том числе вещный статут⁶, отношения наследования⁷,

¹ Dehnert H. Der deliktische Erfolgsort bei reinen Vermögensschäden und Persönlichkeitsrechtsverletzungen: eine Untersuchung des europäischen und deutschen internationalen Zivilverfahrensrechtes und des internationalen Privatrechtes. Frankfurt am Main. Peter Lang, 2011. S. 36.

² Новикова Т.В. Принцип автономии воли в международном частном праве: монография. Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Российский государственный университет правосудия. - Москва: РГУП, 2021. С. 73.

³ Звеков В.П. Международное частное право: учеб. для студентов вузов, обучающихся по специальности "Юриспруденция" - 2-е изд., перераб. и доп. - Москва: Юристъ, 2004. С. 382.

⁴ Graziano T.K. General Principles of Private International Law of Tort in Europe. Japanese and European Private International Law in Comparative Perspective. Tübingen: Mohr Siebeck. 2008. P. 251. URL:https://www.researchgate.net/publication/311443115_General_Principles_of_Private_International_Law_of_Tort_in_Europe (дата обращения: 17.03.2024).

⁵ Mandery M. Party autonomy in contractual and non-contractual obligations: a European and Anglo-Common Law perspective on the freedom of choice of law in the Rome I regulation on the law applicable to contractual obligations and the Rome II regulation on the law applicable to non-contractual obligations. Frankfurt am Main: PL Acad. Research, 2014. P. 79.

⁶ Любарская Т.С. Автономия воли при определении вещного статута в международном частном праве: диссертация ... кандидата юридических наук: 12.00.03 - Москва, 2020. С. 196.

⁷ Article 5 Hague Convention of 1 August 1989 on the Law Applicable to Succession to the Estates of Deceased Persons // 29 I.L.M. 146 (1989). URL:assets.hcch.net/docs/5af01fa4-c81f-4e99-b214-64421135069f.pdf (дата

супружеской собственности⁸, вопросов развода⁹ и алиментных обязательств¹⁰.

При этом распространение автономии воли, завоевавшей господствующее положение в договорном праве, в деликтном статуте осложнено конструктивными особенностями охранительных обязательств. В числе таковых выделяются следующие: односторонний характер, предоставление большей диспозитивности одной стороне, по общему правилу, императивное регулирование таких правоотношений¹¹. Исходя из этого, предоставление сторонам деликтного обязательства возможности определять своей волей применимое право нуждается в дополнительной аргументации, предложенной в настоящей работе.

Спецификой регулирования обязательств из причинения вреда в международном частном праве является преобладание территориальных подходов. В отсутствие проявлений автономии воли или опосредованного выбора применимого права, ключевыми коллизионными привязками остаются такие территориальные привязки, как *lex loci delicti commissi* (закон места совершения деяния, влекущего наступление вреда), *lex loci damni* (закон места наступления последствий). Несмотря на то, что деликтным обязательствам в большей мере свойственна локализация в пространстве, нежели договорным, в современных условиях универсальность территориальных привязок может быть подвергнута сомнению в силу дистанционных способов взаимодействия, безналичных денежных потоков, возможности одномоментной передачи информации множеству реципиентов. Необходимо обосновать, что автономия воли способна нивелировать недостатки объективного коллизионного

обращения: 25.11.2023); Article 22 of Council Regulation № 650/2012 of the European Parliament and of the Council of 4 July 2012 on jurisdiction, applicable law, recognition and enforcement of decisions and acceptance and enforcement of authentic instruments in matters of succession and on the creation of a European Certificate of Succession // O.J. L 201, 27.7.2012, p. 107–134. URL: eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/LSU/?uri=CELEX%3A32012R0650 (дата обращения: 25.11.2023).

⁸ Articles 3 and 6 Hague Convention of 14 March 1978 on the Law Applicable to Matrimonial Property Regimes // Actes et documents de la Treizième session (1976), tome II, Matrimonial property regimes. 387 p. URL: www.hcch.net/en/instruments/conventions/full-text/?cid=87 (дата обращения: 25.11.2023); ст. 15 Вводного закона к ГГУ // СПС КонсультантПлюс.

⁹ Article 5 of Council Regulation № 1259/2010 of 20 December 2010 implementing enhanced cooperation in the area of the law applicable to divorce and legal separation // O.J. L 2010. 343:0010:0016.

¹⁰ Council Regulation (EC) № 4/2009 of 18 December 2008 on jurisdiction, applicable law, recognition and enforcement of decisions and cooperation in matters relating to maintenance obligations // O.J. L 7, 10.1.2009, p. 1–79.

¹¹ Яковлев В.Ф. Гражданско-правовой метод регулирования общественных отношений. - 2-е изд., доп. - Москва: Статут, 2006. С. 205.

регулирования, а также предложить дополнительные преимущества в деликтных обязательствах. С другой стороны, злободневным является поиск путей достаточного, но не чрезмерного ограничения самой автономии воли в целях недопущения нарушения баланса интересов сторон.

В связи с проведенной в 2013 году реформой международного частного права РФ¹², расширившей потенциал востребованности автономии воли в деликтном статуте, все более остро очерчивается проблема определения должных и излишних ограничений автономии воли в сфере обязательств из причинения вреда, а также поиска оптимального баланса между обобщенным видением законодателя о должном применимом праве и возможностью сторон сформировать индивидуализированное и субъективно справедливое решение.

Степень научной разработанности темы диссертационного исследования. Автономия воли сторон как в советской¹³, так и в современной отечественной литературе¹⁴ была подвергнута обстоятельному исследованию применительно к её фундаментальным основам и договорному статуту. Не умаляя того факта, что многие выводы из приведенных работ справедливы и для выбора права в обязательствах из причинения вреда, необходимо констатировать,

12 Федеральный закон от 30.09.2013 № 260-ФЗ "О внесении изменений в часть третью Гражданского кодекса Российской Федерации".

¹³ См., в частности, Лунц Л.А. Внешнеторговая купля - продажа: (Коллизионные вопросы) / Всесоюз. науч.-исслед. ин-т сов. законодательства. - Москва: Юрид. лит., 1972; Рубанов А.А. "Автономия воли" в международном частном праве как теоретическая проблема // Советский ежегодник международного права. 1986. М., 1987. С. 214 – 228; Макаров А.Н. Основные начала международного частного. Москва: Юрид. изд-во, 1924; Маковский А.Л. Проблемы международного частного морского права: диссертация ... доктора юридических наук: 12.00.03. - Москва, 1984.

¹⁴ См., в частности, Асосков А.В. Коллизионное регулирование договорных обязательств. Москва; Берлин: Инфотропик Медиа, 2012; Третьяков С.В. Юридическая природа автономии воли в международном частном праве: диссертация ... кандидата юридических наук: 12.00.03. - Москва, 2003. Канашевский В.А. Внешнеэкономические сделки: материально-правовое и коллизионное регулирование. - Москва: Волтерс Клувер, 2008; Стригунова В.П. Проблемы применения принципа автономии воли сторон в правовом регулировании международных коммерческих договоров: монография. Москва: Русайнс, 2018; Новикова Т. В. Принцип автономии воли в международном частном праве: монография. Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Российский государственный университет правосудия. - Москва: РГУП, 2021; Малкин О.Ю. Автономия воли во внешнеэкономических сделках: диссертация ... кандидата юридических наук: 12.00.03. - Москва, 2005; Тригубович Н.В. Автономия воли в международном частном праве: диссертация ... кандидата юридических наук: 12.00.03. - Саратов, 1999; Кордеро Мосс Д. Автономия воли в практике международного коммерческого арбитража: диссертация ... кандидата юридических наук: 12.00.03. - Москва, 1995; Малкин О.Ю. Правовое регулирование выбора права сторонами договора. Москва: изд-во СГУ, 2008; Зыкин И.С. Внешнеэкономические операции: право и практика. Москва: Междунар. отношения, 1994; Розенберг М.Г. Международный договор и иностранное право в практике Международного коммерческого арбитражного суда / М. Г. Розенберг. - 2. изд., перераб. и доп. - Москва: Статут, 2000; Покровская А.Б. Соглашение о праве, применимом к частноправовым отношениям, осложненным иностранным элементом. Москва: Академия, 2006.

что тема автономии воли в деликтном статуте со свойственной ему спецификой в отечественных научных трудах еще не была углубленно разработана.

В монографических и диссертационных исследованиях анализ свободы выбора применимого права освещается преимущественно в рамках общих работ по регулированию деликтных обязательств в международном частном праве¹⁵. Более узкие вопросы автономии воли в деликтном статуте проанализированы в научных статьях¹⁶ и комментариях¹⁷, однако в силу своего объема и требований к жанру они не могут в полной мере служить целям обстоятельного и системного выявления возникающих проблем и осмысления путей их решения. Вместе с тем, новые законодательные подходы, накопленный эмпирический материал в отечественном и зарубежном правоприменении, потребности участников оборота, а также выработанные в классических и новейших российских и иностранных трудах подходы требуют тщательного анализа для выявления оптимальной модели существования автономии воли в деликтных обязательствах, её видов, преимуществ и должных границ.

Приведенные обстоятельства предопределили выбор темы настоящего диссертационного исследования, его цели и задачи.

Теоретическую основу исследования составляют фундаментальные научные труды отечественных и зарубежных специалистов по гражданскому и международному частному праву. Настоящее исследование опирается на работы

¹⁵ См., в частности, Звекон В.П. Обязательства вследствие причинения вреда в коллизионном праве. Исслед. центр частного права. - Москва: Волтерс Клувер, 2007; Крупко С.И. Деликтные обязательства в сфере интеллектуальной собственности в международном частном праве: монография. М.: Статут, 2018; Банковский А.В. Деликтные обязательства в международном частном праве: диссертация ... кандидата юридических наук: 12.00.03. - Москва, 2002, Внедоговорные обязательства в международном частном праве: Монография / Отв. ред. И.О. Хлестова. М., 2017; Пирцхалава Х.Д. Правовое регулирование внедоговорных трансграничных обязательств (на примере Российской Федерации и Испании). Дис...канд. юрид. наук: 12.00.03. М., 2013; Бодурова Г.Г. Коллизионное регулирование внедоговорных отношений в международном частном праве: по материалам Республики Таджикистан: диссертация ... кандидата юридических наук. Казань, 2018.

¹⁶ См., в частности, Абросимова Е.А. Внедоговорные обязательства в МЧП и косвенная автономия воли // Право и экономика. 2016. № 6. С. 55 – 62; Лазарева Т.П. Коллизионное регулирование возмещения вреда, причиненного недостатками товара, работы или услуги // Журнал российского права. 2016. № 11. С. 46 – 54; Жильцов А.Н. Право, подлежащее применению к обязательствам, возникающим вследствие недобросовестного ведения переговоров о заключении договора // Закон. 2016. № 8. С. 27 – 34; Марышева Н.И. Современные тенденции коллизионного регулирования деликтных обязательств: Регламент ЕС 2007 г. "О праве, подлежащем применению к внедоговорным обязательствам" (Рим II) и российское законодательство // Журнал российского права. 2016. № 6. С. 63 – 73.

¹⁷ См., в частности, Комментарий к разделу VI "Международное частное право части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации" / Отв. ред. И.С. Зыкин, А.В. Асосков, А.Н. Жильцов. М.: Статут, 2021.

таких правоведов, как Асосков А.В., Банковский А.В., Дмитриева Г.К., Жильцов А.Н., Звекон В.П., Канашевский В.А., Крупко С.И., Кучер А.Н., Лунц Л.А., Макаров А.Н., Маковский А.Л., Малкин О.Ю., Марышева Н.И., Монастырский Ю.Э., Новикова Т.В., Розенберг М.Г., Рубанов А.А., Стригунова Д.П., Толстых В.Л., Третьяков С.В., Тригубович Н.В., Флейшиц Е.А., Хлестова И.О. и других.

Пристальное внимание уделено анализу ключевой германоязычной и англоязычной литературы по темам автономии воли и деликтного статуса, в частности, трудов таких учёных, как Aubart A. (Аубарт А.), Basedow J. (Базедов Ю.), Behrens T. (Бюренс Т.), Boer T.M. (Боэр Т.М.), Dickinson A. (Дикинсон А.), Einsele D. (Айнзэле Д.), Graziano T.K. (Грациано Т.К.), Hay P. (Хэй П.), Hein J. von (Хайн Я. Фон), Hellgardt A. (Хелльгардт А.), Hellner M. (Хелльнер М.), Hönle U. (Хёнле У.), Junker A. (Юнекер А.), Köthe J. (Кётхе Йе.), Kroll-Ludwigs K. (Кролл-Людвигс К.), Kropholler J. (Крофоллер Я.), Lehmann M. (Лехманн М.), Leible S. (Лайбле С.), Lorenz W. (Лоренц В.), Mandery M. (Мандери М.), Mankowski P. (Манковски П.), Meyer O. (Мейер О.), Michel S. (Михель С.), Panagopoulos G. (Панагопулос Дж.), Raape L. (Раапе Л.), Rugullis S. (Ругуллис С.), Schulte J. (Шульте Ю.), Sun J. (Сан Дж.), Symeonides S. (Симеонидис С.), Vogeler A. (Фогелер А.), Volders B. (Фольдерс Б.), Wandt S. (Вандт С.) и других.

Нормативно-правовой базой исследования является законодательство в области международного частного права России и зарубежных правопорядков, а также коллизивно-правовые акты Европейского союза.

Методологическую основу исследования представляют сравнительно-правовой, историко-правовой, аналитический методы исследования. При написании работы автором широко использовался также функциональный метод в части выявления общих закономерностей и тенденций развития института автономии воли в деликтных обязательствах. В качестве вспомогательной методологии автор использует методы системного, логического и телеологического толкования.

Объектом диссертационного исследования являются общественные отношения, складывающиеся при определении применимого права к трансграничным обязательствам из причинения вреда. **Предметом** исследования

является регулирование автономии воли в деликтных обязательствах, включая такие аспекты, как предпосылки признания возможности для сторон обязательства из причинения вреда определять применимое право своей общей волей, допустимые в деликтном статуте виды автономии воли, а также оптимальные границы автономии воли.

Целью диссертационной работы является постановка и комплексное исследование проблем, возникающих при выборе применимого права в деликтных обязательствах, а также выдвижение предложений по их разрешению с учетом анализа частных и публичных интересов на основании современного теоретического и практического материала.

Для достижения обозначенной цели автором были поставлены следующие **задачи исследования:**

- выявить этапы изменения роли государства в определении права, применимого к договорным и деликтным правоотношениям и определить место автономии воли в данной эволюции;
- определить основные теории, объясняющие природу автономии воли, и проанализировать их применимость к выбору права к деликтным обязательствам;
- выявить основные возражения против распространения автономии воли на трансграничные обязательства из причинения вреда;
- обосновать догматическую непротиворечивость внедрения выбора применимого права в деликтный статут, а также определить ключевые практические преимущества такого внедрения;
- проанализировать, какие формы влияния воли сторон на определение применимого права в деликтном статуте отвечают признакам автономии воли, а также выявить виды автономии воли в обязательствах из причинения вреда;
- критически проанализировать допустимые границы выбора применимого к деликтам права в российском и европейских правопорядках, выдвинуть суждения относительно их обоснованности;
- выявить прямо не упомянутые в законодательстве ограничения свободы выбора права и сделать вывод о факте и объеме их применимости в рамках обязательств из причинения вреда.

Научная новизна. В рамках настоящей работы формируются пределы применимости автономии воли, возникшей и устоявшейся в рамках договорного статута, к трансграничным деликтным обязательствам. Разработанная концепция позволяет обосновать догматическую легитимность возможности выбора применимого права к обязательствам из причинения вреда, а также выявить особенности её реализации, вызванные спецификой деликтных правоотношений. Будучи основанной на обширном сравнительно-правом материале и закономерностях развития договорного и деликтного статутов, концепция применимости автономии воли в обязательствах из причинения вреда способна спрогнозировать дальнейшие тенденции регулирования выбора применимого к деликтам права и его оптимальных ограничений.

В ходе своего исследования автор пришел к следующим выводам, выносимым на публичную защиту:

1. Основными доводами против признания свободного выбора права в деликтном статуте являются следующие: отсутствие предпосылки автономии воли – материально-правовой свободы сторон; императивный характер регулирования; вероятные злоупотребления в отношении слабой стороны в связи с недобровольностью возникновения обязательства; направленность норм на защиту от посягательств неограниченного круга лиц, а не конкретного делинквента. В действительности приведенные доводы являются преодолимыми, а автономия воли в деликтах догматически оправдана.

Во-первых, обязательства из причинения вреда, будучи относительными, демонстрируют элементы материально-правового самоопределения сторон как после причинения вреда (например, прощение долга, согласованная оценка ущерба и т.д.), так и до его причинения (например, легализованное в ряде случаев принятие на себя рисков возникновения ущерба и согласие на причинение вреда).

Во-вторых, императивная направленность регулирования не является неустранимым препятствием для применения иностранного права. Так, как концепция автономии воли в целом, так и объективные коллизионные привязки предполагают возможность исключить применение императивных норм правопорядка. Если вред нанесен важнейшим публичным интересам или

затрагивает общественную безопасность, выбранное сторонами право уступает коллизионному регулированию специальных деликтов, нормам непосредственного применения, оговорке о публичном порядке и уголовно-правовым предписаниям.

В-третьих, возможные злоупотребления в отношении слабой стороны при осуществлении выбора применимого права эффективно купируются дополнительными в сравнении с договорным статутом ограничениями автономии воли, обособленным регулированием ряда специальных деликтов, а также применением режима наибольшего благоприятствования потребителю. Специфика, вызванная недобровольностью возникновения деликтного обязательства, нивелируется обязательным совпадением двух свободно сформированных волей в рамках соглашения о выборе применимого к обязательству из причинения вреда права.

В-четвертых, направленность деликтных норм на защиту от посягательств неограниченного круга лиц не препятствует достижению индивидуальных договоренностей относительно права, применимого к такому деликту. После причинения вреда фигура делинквента является индивидуализированной. Достижение заблаговременного соглашения о выборе применимого к потенциальному деликту права также не содержит неустранимых внутренних противоречий. При этом заключение подобных соглашений предполагает наличие определенных фактологических предпосылок, таких как предшествующие юридически релевантные контакты сторон (например, договор, переговорные процессы или действия, влекущие возникновение особого доверия между сторонами) или доступность индивидуальных переговоров в связи с определенностью относительно узкого круга возможных сторон деликта и масштабов вреда.

2. Необходимость в расширении границ автономии воли продиктована, помимо универсальных для всего международного частного права достоинств, также и особыми преимуществами выбора применимого права в рамках деликтного статута.

Во-первых, выбор права в обязательствах из причинения вреда служит эффективным инструментом решения проблемы должной квалификации фактических обстоятельств, образующих предпосылки применения, наряду с деликтными предписаниями также норм смежных областей (договорного, кондиционного статутов, а также статута обязательств из действий в чужом интересе без поручения).

Во-вторых, автономия воли в деликтах способствует смягчению проблемы допустимости конкурирующих требований. Так, заключение соглашения о выборе применимого права позволяет избирать или исключать применение права государств, признающих конкуренцию обозначенных требований между собой, и смягчает такие выдвигаемые в доктрине доводы против конкуренции исков, как опасность обхода закона, нарушение принципа равенства сторон и риск возникновения явления *forum shopping*.

В-третьих, автономия воли позволяет удовлетворить легитимный интерес в разграничении применимого права в деликтных и договорных обязательствах в случаях, когда объективное коллизионное регулирование указывает на его объединение посредством обращения к акцессорной привязке к договорному статуту.

В-четвертых, соглашение о выборе права в деликтных обязательствах адекватно противостоит нежелательному для сторон расщеплению права, возникающему в силу объективных коллизионных привязок или в силу частичного выбора права, применимого в договорном статуте.

3. Запрет на осуществление предшествующего выбора применимого права в обязательствах из причинения вреда следует признать не соответствующим нуждам трансграничного оборота, что подтверждается недостаточностью опосредованного выбора права в силу наличия элемента неопределенности при обращении к акцессорной привязке к договорному статуту, выраженного в судебском усмотрении, а также неспособностью договорного статута в ряде случаев удовлетворить потребность в деликтном регулировании. Помимо благотворной роли при разрешении обозначенных ранее проблем квалификации и конкуренции требований еще на этапе, когда фигура

истца не определена, внедрение предшествующего выбора также учитывает заслуживающее внимания стремление сторон к разделению договорного и деликтного режима, если в этом имеется индивидуальная потребность, а также к упрочнению правовой определенности относительно применимого к деликтам права в случаях, когда между сторонами отсутствуют договорные связи.

4. Помимо прямо упомянутых законодателем ограничений автономии воли в деликтном статуте, прослеживаются непоименованные границы для осуществления выбора применимого права. В сравнении с договорным статутом некоторые ограничения должны носить более консервативный характер с учетом специфики обязательств из причинения вреда, выраженной в усеченном объеме материально-правовой свободы и недобровольности их возникновения. Так, частичный выбор применимого права и кумулятивный выбор права принципиально допустимы при условии их осуществления способом, не приводящим к неустранимым противоречиям и дисбалансу. Последующее изменение выбора применимого права в деликтных обязательствах следует рассматривать как возможное и, если не доказано иное, толковать в качестве имеющего обратную силу для ранее возникших отношений.

Ограниченный подразумеваемый выбор также правомерен, однако критерии, свидетельствующие об осуществлении такого выбора, должны быть значительно сокращены в сравнении с договорным статутом. О совершении имплицитного выбора применимого к деликтному обязательству права может свидетельствовать обращение сторон в процессе исключительно к нормам одного и того же правопорядка. Такие критерии, как заведенный порядок, пророгационное, дерогационное или арбитражное соглашение, а также выбор права, применимого к договору между теми же сторонами, не являются самодостаточными для целей выявления подразумеваемого выбора права в деликтном статуте.

Альтернативные соглашения о выборе применимого права в условиях допустимости в России только *ex post* выбора в деликтных обязательствах следует считать невозможными, поскольку в силу специфики охранительных обязательств они не только лишены экономического смысла, но и создают основу

для злоупотреблений сильной стороной переговоров. При реформировании международного частного права такой выбор права может быть разрешен только при условии внедрения *ex ante* выбора права в деликтных обязательствах.

5. Существующая в коллизионном регулировании деликтных обязательств акцессорная привязка к договорному статуту создает основания для опосредованного выбора права, под которым предлагается понимать соглашение сторон, направленное на установление применимого права для договорных обязательств, но опосредованно регулирующее также деликтные правоотношения посредством инструментария акцессорных объективных коллизионных привязок. Несмотря на то, что опосредованный выбор права представляет собой основанный на согласовании воли сторон способ влияния на применимое к деликту право, такой выбор не является проявлением автономии воли в деликтном статуте. По своей правовой природе он относится к гибким объективным коллизионным нормам, а не к материально-правовому способу определения применимого права.

Опосредованный выбор нивелирует ряд недостатков территориальных коллизионных привязок, играет роль в защите доверия, снижении транзакционных издержек, достижении согласованного и последовательного результата. Поскольку прямой выбор права в деликтном статуте подвержен ряду ограничений и риску признания недействительным, опосредованный выбор права служит страховочным механизмом для сторон, позволяющим даже в случае реализации данного риска прийти к желаемому правовому режиму. Кроме того, в отсутствие объединения договорных и деликтных обязательств в рамках одного правопорядка, опосредованный выбор права смягчает проблему конкуренции исков и проблему квалификации сложившихся обстоятельств.

Акцессорная привязка к договорному статуту обладает промежуточным значением: она учитывает волю сторон в качестве коллизионного фактора и предлагает дополнительные преимущества в сравнении с иными объективными коллизионными привязками, но не располагает свойствами автономии воли. Опосредованный выбор права является удобным инструментарием в случае, если воля сторон направлена на объединение договорного и деликтного статута, но,

если желаемым результатом является их разъединение, необходимо заключение соглашения о выборе применимого к обязательству из причинения вреда права.

Теоретическая и практическая значимость исследования заключается в том, что положения, обоснованные в рамках диссертационной работы, могут быть использованы в дальнейших научных разработках исследователями в области международного частного права, а также внедрены в учебно-методические программы при создании учебных курсов. Выводы, к которым пришел автор, могут быть использованы при разработке новых подходов в законотворческой и правоприменительной деятельности, а также практикующими юристами в профессиональной деятельности.

Степень достоверности и апробация результатов исследования. Диссертация выполнена на кафедре гражданского права юридического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. Ее результаты были обсуждены и одобрены на заседаниях кафедры. Результаты диссертационного исследования нашли отражение в выступлениях на научных конференциях (Международная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов – 2021» (Москва, 2021 г.), VIII Международная научно-практическая конференция молодых ученых «Тенденции развития частного права» (Москва, 2021 г.), XXI Международная научная конференция студентов, магистрантов и аспирантов «Взаимодействие правовых систем современности в целях устойчивого развития общества» (Беларусь, 2021 г.)).

Содержащиеся в диссертационном исследовании выводы и основные положения изложены в шести научных публикациях автора, четыре из которых выпущены в научных изданиях, рекомендованных для защиты в диссертационном совете МГУ.051.1 по специальности 5.1.3 Частно-правовые (цивилистические) науки.

Структура диссертационного исследования обусловлена его предметом, целью и задачами. Исследование состоит из введения, трех глав, разделённых на параграфы, заключения и библиографии.

II. СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обоснована актуальность темы исследования, охарактеризована степень ее разработанности, определены предмет и объект исследования, поставлены его цели, задачи и методологические основания, обоснована научная новизна, а также теоретическая и практическая значимость результатов исследования, сформулированы положения, выносимые на защиту.

В **Главе I «Предпосылки признания автономии воли в деликтном статуте»** анализируется понятие и роль автономии воли в обязательственном статуте в целом и в деликтных правоотношениях в частности, рассматриваются основания для легитимации выбора права за рамками договорного статута.

В **параграфе 1 «Автономия воли в контексте эволюции способов определения применимого права в обязательственном статуте»** описывается поэтапное развитие воззрений государств романо-германской правовой семьи на должные критерии определения применимого права в трансграничных обязательствах. Автором выявляются сходства в закономерностях развития договорного и деликтного статутов.

Так, на первом из этапов происходит отказ государства от монополии собственных предписаний на своей территории и признание иностранного регулирования как источника права. Подобное признание строилось преимущественно на основе территориального подхода (закон места заключения договора, закон места совершения правонарушения), однако сопровождалось допущением обращения к праву суда. Вторым шагом является создание равных условий для применения как национального, так и иностранного права в зависимости исключительно от фактических обстоятельств. Применение как иностранного, так и отечественного права стало практически равновероятным явлением, в меньшей степени зависящим от судейского усмотрения. Реализация данной идеи происходила посредством устранения дополнительного или заместительного обращения к критерию *lex fori*, приводящего к применению отечественного права, наряду с территориальным принципом.

В рамках третьего этапа интенсифицируется критика строго пространственных подходов, продиктованных идеей государственного

суверенитета на определенной территории. В договорном статуте она находит воплощение в аргументах о случайном месте заключения договора, его предопределенности логистическими, а не правовыми соображениями, отсутствием устоявшегося с позиций сравнительного права понимания места заключения договора. В деликтном статуте территориальные подходы, хотя и в меньшей степени, но также демонстрировали ряд несовершенств: случайный характер места деяния или наступления последствий; расщепление применимого права, когда релевантные юридические факты расположены в различных юрисдикциях; сложности, возникающие при идентификации прямых и косвенных последствий деликта для целей определения применимого права.

Приведенные недостатки стали прослеживаться еще более явно в казусах, связанных с отсутствием или неоднозначностью территориальной локализации деяния или вреда (возникновение чисто экономических убытков, вреда нематериальным благам, совершение деликтов посредством сети Интернет и так далее). Вследствие этого реализуется диверсификация коллизионных норм и признание государством того, что оптимальный критерий для решения коллизионной проблемы может быть продиктован исключительно частноправовыми интересами сторон (например, местом жительства стороны, осуществляющей характерное исполнение или обеих сторон), а не какими-либо публично-правовыми причинами (локализацией юридических фактов в рамках границ определенного государства).

На четвертом этапе законодатель частично делегирует решение вопроса о том, какие интересы и обстоятельства должны быть приняты во внимание при определении применимого права, на уровень правоприменения. Речь идет о внедрении корректирующей оговорки, существующей как в договорном (п. 9 ст. 1211 ГК РФ), так и в деликтном статуте (п. 3 ст. 1219 ГК РФ). Самоустраняясь от необходимости моделирования универсальных оптимальных критериев для всех случаев, государство начинает апеллировать к правилу наиболее тесной связи для достижения индивидуальной справедливости.

Наконец, на пятом этапе законодатель допускает передачу возможности определения применимого права частным лицам в соответствии с их волей,

оставляя за собой полномочия по контролю и по установлению необходимых ограничений. Роль законодателя трансформируется из претворения идей о необходимости защиты суверенитета средствами международного частного права в предоставление набора альтернативных алгоритмов для определения применимого права, в том числе зависящих исключительно от воли самих сторон.

Выявленные общие для деликтного и договорного статуса этапы и тенденции развития позволяют сделать вывод о правомерности гипотезы о том, что возникшая в договорной сфере концепция автономии воли может являться универсальной для обязательственных правоотношений. Обнаруживаются предпосылки для того, чтобы в обязательствах из причинения вреда так же, как и в договорных правоотношениях, автономия воли считалась органичным следствием предшествующих стадий развития, а не чужеродной конструкцией в силу выявленной постепенной децентрализации коллизионного регулирования.

В *параграфе 2 «Понятие и правовая природа автономии воли в международном частном праве»* автор обращается к понятию и ключевым теориям, определяющим природу автономии воли. Под автономией воли в международном частном праве понимается возможность сторон совместной волей, являющейся определяющим фактором, выбрать применимое право к трансграничным частноправовым отношениям.

Ключевыми теориями, обосновывающими природу автономии воли, являются следующие: (а) возможность выбора права рассматривается как проявление международно-правового обычая; (б) выбор права выступает подвидом известных институтов национального права – материально-правовых или коллизионных норм; (в) автономия воли является особым институтом международного частного права, отличным от коллизионного регулирования.

С позиций трансграничных обязательств из причинения вреда не является однозначной теория, определяющая автономию воли в качестве обычая. В ограниченных рамках свобода выбора применимого к деликтам права признана многими правопорядками, однако данное решение не претендует на роль обязательного для национальных законодателей. Кроме того, несмотря на формальную допустимость, практика обращения к выбору применимого права в

деликтах недостаточно развита для того, чтобы обеспечить необходимую легитимацию явления в качестве обычая. Таким образом, существующее на данный момент расширение автономии воли на иные сферы, помимо договорного статута, ставит перед теорией обычая дополнительные вызовы и демонстрирует внутренние противоречия.

Рассмотрение автономии воли в качестве проявления материально-правового принципа свободы договора также кажется чрезмерно узким в свете выхода выбора права за пределы договорного статута (ст. 1223.1 ГК РФ). При этом можно согласиться с тезисом, что как свобода договора, так и автономия воли являются проявлениями частной автономии, однако объем последней является различным в каждом из институтов. Вслед за этим, на уровне трансграничных отношений автономия воли также обладает большей конститутивной скованностью за пределами договорного статута.

Далее, значимым является коллизионно-правовой подход к природе автономии воли. В преломлении статута обязательств из причинения вреда данная теория не обладает значимыми особенностями и противоречиями. Рассмотрение автономии воли в качестве коллизионной привязки или особого коллизионного института в равной степени последовательно как в договорном, так и в деликтном статуте. Данное обстоятельство при этом означает и то, что все ключевые аргументы против логической стройности данной теории (неподверженность выбора права корректирующей оговорке; предоставление опций, несвойственных коллизионно-правовой логике, в том числе доступность выбора нейтрального правопорядка, вненациональных источников права; волевого «цементирования» или расщепления применимого права и т.д.). инфицируют также и её применение в сфере деликтов.

С позиции автора, наиболее обоснованным является рассмотрение автономии воли в качестве материально-правового института особого рода. Так, утверждение, согласно которому коллизионно-правовой механизм позволяет определить «пространственно лучшую, а не материально лучшую норму», в то время как в основе выбора применимого права лежат именно материально-

правовые интересы самих субъектов трансграничного оборота, является справедливым как для договорного, так и для деликтного статута.

Этому способствует наличие элементов частной автономии в обязательствах из причинения вреда (согласованная оценка вреда, инициативность защиты, возможность прощения долга и т.д.). Кроме того, гражданское право в целом и деликтное право в частности традиционно строилось не только исходя из видения должного со стороны публичной власти, но и исходя из собственной внутренней систематичности и рациональности существования. Данная самоценность и согласованность деликтных предписаний различных государств может служить основанием для обращения к ним субъектов в правонаделительном ключе, без обращения к «технической» функции коллизионных норм. Таким образом, воззрение на выбор права как на особый институт международного частного права носит универсальный характер, и способно раскрыть конститутивные признаки автономии воли как в договорном, так и в деликтном статуте.

В параграфе 3 «Преимущества автономии воли в деликтном статуте» на основе систематизации основных догматических подходов к автономии воли, автором предлагается следующая классификация преимуществ выбора права. Во-первых, исходя из концепции А. Юнкера, рассматривающего выбор применимого права как способ восполнения пробелов, выделяются такие преимущества автономии воли, как: упрочение правовой определенности и предсказуемости; нивелирование последствий недостатков территориальных и акцессорных коллизионных привязок; а также правила наиболее тесной связи; содействие единообразию международно-правовых подходов; смягчение трудностей, связанных с разрешением междуобластных коллизий.

Во-вторых, в рамках понимания института автономии воли как естественно-правовой категории, ключевыми преимуществами выступают индивидуализация правового регулирования; конструирование гибких подходов с наибольшим спектром возможностей; реализация необходимых для функционирования свободного трансграничного оборота постулатов.

В-третьих, с позиции экономического анализа права автономия воли позволяет смоделировать наиболее отвечающее интересам сторон

регулирование; служит целям процессуальной экономии как со стороны участников гражданского оборота, так и с позиции суда; является удобным инструментом для объединения в рамках одного правопорядка компетентного суда и применимого права; создает основу для положительной конкуренции правопорядков; а также способствует развитию международной торговли.

Кроме того, автор выявляет и подробно обосновывает преимущества автономии воли, являющиеся специальными для деликтного статута и обнаруживающиеся при выходе свободы выбора права за пределы договорных правоотношений. Так, автономия воли служит эффективным инструментом по нивелированию проблемы должной квалификации сложившихся фактических обстоятельств, образующих предпосылки для применения различных статутов (договорного, деликтного, кондикционного статутов, статута действий в чужом интересе без поручения).

Национальные коллизионные нормы, будучи ориентированными на цивилистическую классификацию правовых институтов и категорий, оперируют весьма абстрактным понятийным аппаратом. При этом коллизионные привязки в рамках, например, деликтного и кондикционного статутов в значительной степени отличаются, что ведет к неидентичному решению вопроса относительно подлежащего применению права. Пророгационное соглашение хотя и устраняет сомнения относительно компетентного суда и, соответственно, применимых коллизионных норм, не способно полностью устранить возникающую правовую определенность. Так, не любые правопорядки отдают предпочтение квалификации понятий по принципу *lex fori*, а не по принципу *lex causae* или правилу автономной квалификации. Автономия воли, являясь самостоятельным способом определения применимого иностранного права, позволяет избежать обращения к объективным коллизионным привязкам, а значит и к предшествующему их применению трудно прогнозируемому процессу квалификации возникших правоотношений.

Кроме того, соглашение о выборе применимого к деликтам права способно смягчить проблему существования конкурирующих требований. У сторон возникает возможность волевым образом исключить или избрать применение

права государств, признающих конкуренцию исков, поскольку выбранное право, применимое к деликтным обязательствам, охватывает основания возникновения деликтного требования, под которыми понимается также вопрос о том, возникает ли деликтное требование при одновременном наличии иного требования.

Помимо этого, автономия воли позволяет удовлетворить легитимный интерес в дифференциации применимого права в рамках деликтных и договорных обязательств и внедоговорных обязательств между собой в случае, если объективное коллизионное регулирование указывает на обращение к акцессорной привязке к договорному статуту. В то же время, соглашение о выборе применимого права во внедоговорных обязательствах служит против нежелательного расщепления права, возникающего в силу объективных коллизионных привязок или в силу частичного выбора права, применимого в договорном статуте.

В Главе II «Теоретические проблемы автономии воли в деликтном статуте» проведен анализ возражений против распространения автономии воли на деликтный статут, а также предложен путь к их преодолению, выявлены дискуссионные виды выбора применимого к обязательствам из причинения права, а также смежные с ним институты.

В параграфе 1 «Основные возражения против возможности выбора права сторонами обязательства из причинения вреда и контраргументы к ним» критическому анализу подвергаются следующие ключевые аргументы против распространения конструкции автономии воли на деликтные обязательства:

а. Деликтные правоотношения, в отличие от договорных, не имеют в своей основе широкого самоопределения сторон в материально-правовой сфере и возникают помимо воли субъектов таких правоотношений.

При этом деликтные обязательства в определенной степени предполагают волевое воздействие сторон на их содержание, ровно как и содержание договорных обязательств в определенной степени продиктовано императивными положениями закона. Даже будучи направленными на защиту абсолютных благ, положения деликтного права регулируют обязательственные, т.е. относительные

правоотношения. Из этого следует, что весь простор для достижения взаимных договоренностей, существующий в обязательственном праве в целом, будет релевантен и для деликтного права (прощение долга, отступное, согласованная оценка вреда и т.д.). Наблюдаемая в определенных границах материально-правовая свобода сторон обязательства из причинения вреда имеет следствием допустимость коллизионно-правовой свободы.

в. При возникновении деликта нарушаются не личные договорённости частных лиц, а императивные указания правопорядка.

Вместе с тем, современная доктрина усматривает в деликтных предписаниях именно частноправовые, компенсаторные мотивы, защищающие преимущественно индивидуальные интересы, а не безопасность общественного порядка. Наблюдается отход от проведения аналогии между функционалом деликтного и уголовного права, в пользу рассмотрения обязательств из причинения вреда как относительных правоотношений компенсаторной, а не штрафной направленности, основанных на идее частной инициативы.

Кроме того, само по себе императивное регулирование каких-то правоотношений еще не свидетельствует о том, что доступным для применения становится только российское право. Так, любые двусторонние коллизионные нормы, составляющие деликтный статут, потенциально могут привести к применению иностранного права, а значит, обойти «императивное веление законодателя» права суда. В этом отношении, возможность выбора применимого права в обязательствах из причинения вреда не приводит к какому-то принципиально недопустимому результату.

с. Регулирование деликтного статута должно отражать идею защиты потерпевшего и борьбы со злоупотреблениями со стороны экономически более сильного лица.

Потенциальные злоупотребления при этом могут эффективно купироваться общими положениями о действительности соглашения о выборе права, большими ограничениями автономии воли в деликтном статуте, нежели чем в договорной сфере, а также отсутствием, по общему правилу, экономической зависимости между потерпевшим и делинквентом.

d. Отсутствует практическая востребованность соглашения о выборе применимого права в деликтах.

Несмотря на то, что автономия воли в рамках обязательств из причинения вреда являются менее востребованной, нежели чем в договорной сфере, выбор применимого права предоставляет сторонам деликта ряд существенных преимуществ в сравнении с объективным коллизионным регулированием.

В *параграфе 2 «История становления автономии воли в деликтном статуте»* излагаются основные исторические вехи на пути признания автономии воли в рамках обязательств из причинения вреда. У истоков осмысления допустимости волевого влияния на определение применимого к деликту права стоял Л. Раапе. Немецкий правовед в середине 1950-х годов на основе выявленных недостатков территориальных коллизионных привязок обратился к специальному механизму для выхода из возникающего «затруднительного положения». Так, им была разработана конструкция переноса деликтных правил в обязательственный договор, содержанием которого является обязанность ответчика уплатить истцу то, что он должен был бы уплатить, если бы деликт подчинялся согласованному праву.

Дальнейший логический шаг был предпринят Я. Крофоллером, отстаивавшим правомерность признания автономии воли деликтном статуте. В основе его концепции находилась параллель между материально-правовой и коллизионно-правовой автономией. Так, потерпевший в рамках национального правопорядка волен принимать решение относительно судьбы своего требования в части формы и факта его предъявления. В этом проявляется приоритет интересов вовлеченных лиц над общими интересами, закрепленными в императивных положениях деликтного статута. Логическим следствием этого является отсутствие оснований для отказа сторонам в принятии решения относительно судьбы деликтного требования в коллизионно-правовом аспекте.

Дополнительные практико-ориентированные аргументы в пользу признания автономии воли в обязательствах из причинения вреда были приведены В. Лоренцом. На основе выявленных в договорном статуте преимуществ автономии воли, исследователь обосновывал рациональность допустимости выбора

применимого права в рамках единого обязательственного статута в силу соображений об упрощении и ускорении процесса, смягчения проблем установления содержания и применения иностранного права.

Основываясь на доктринальных разработках, отдельные правовые порядки позволяли автономии воли в обязательственном статуте в весьма широких пределах уже с конца 1970-х годов, при этом общеевропейское признание выбора права в деликтных правоотношениях состоялось в 2007 году. В российском правовом порядке автономия воли в деликтном статуте нашла отражение в первоначальной редакции третьей части ГК РФ, вступившей в силу в 2002 году, при этом границы выбора применимого права были существенно расширены в ходе реформы 2013 года. Несмотря на то, что текущее российское регулирование придерживается более консервативных позиций, нежели европейское, по ряду параметров, правомерен вывод об общей направленности на расширение применения автономии воли в деликтных обязательствах.

В *параграфе 3 «Выбор применимого права ex ante»* анализу подвергается допустимость осуществления выбора применимого права до момента причинения вреда. Российский законодатель (п. 1 ст. 1223.1 ГК РФ), в отличие от европейского придерживается консервативной позиции, согласно которой в деликтном статуте признается только последующий, но не предшествующий выбор. При этом усматриваются как догматические, так и практико-ориентированные доводы в пользу того, чтобы непризнание *ex ante* выбора было признано архаичным и не соответствующим нуждам трансграничного оборота.

Непротиворечивость внедрения предшествующего выбора права в деликтах с теоретических позиций подтверждается следующими обстоятельствами. Во-первых, в гражданском праве даже до факта причинения вреда у сторон потенциального деликта возникает ограниченная материально-правовая свобода (например, легализованное в ряде случаев принятие на себя рисков возникновения ущерба и исключение противоправности деликта). Во-вторых, направленность деликтных норм на защиту от посягательств неограниченного круга лиц не является непреодолимым препятствием для достижения заблаговременных индивидуальных договоренностей относительно права,

применимого к такому деликту. При этом заключение подобных соглашений предполагает наличие предшествующих юридически релевантные контактов сторон или доступность индивидуальных переговоров в связи с определенностью относительно узкого круга возможных сторон деликта и масштабов вреда.

В числе аргументов практико-ориентированного характера в пользу признания *ex ante* выбора права в деликтах подробно рассматриваются следующие факторы: компонент судейского усмотрения и сопутствующей правовой неопределенности при обращении к опосредованному выбору права; неспособность договорного статута в ряде случаев удовлетворить потребность в регулировании обязательств из причинения вреда; заслуживающее внимания стремление сторон к разделению договорного и деликтного режима, а также необходимость предшествующего выбора применимого к охранительным обязательствам права в отсутствие между сторонами договорных связей. Кроме того, предшествующий выбор применимого права в деликтных отношениях позволяет нивелировать проблему квалификации.

Автором отстаивается необходимость внедрения дополнительных ограничений для осуществления *ex ante* выбора права в обязательствах из причинения вреда. Так, такой выбор может быть доступен только для профессиональных участников оборота, а также он не может быть включен в качестве «внезапного условия» соглашения. Достижению этого результата не препятствует обращение к стандартизированным проформам при условии проставления обособленной подписи обеих сторон под оговоркой о выборе применимого права в деликтных обязательствах.

В **параграфе 4 «Проблема квалификации опосредованного выбора применимого права в качестве проявления автономии воли»** рассматривается тесно связанная с автономией воли в деликтном статуте конструкция акцессорной привязки к договорному статуту. Под опосредованным (косвенным) выбором права понимается соглашение сторон, направленное на установление применимого права для договорных обязательств, но опосредованно регулирующее также деликтные правоотношения посредством инструментария акцессорных объективных коллизионных привязок.

В сравнении с объективными коллизионными привязками данный механизм предоставляет сторонам значительные практические преимущества, к числу которых автор причисляет следующие: обход недостатков территориальных коллизионных привязок, защиту доверия, снижение транзакционных издержек и риска возникновения предварительного коллизионного вопроса; нивелирование проблемы квалификации и проблемы конкуренции требований; благотворное воздействие на достижение согласованного и последовательного результата. Кроме того, опосредованный выбор права осуществляет роль страхового механизма при недействительности соглашения о выборе применимого права непосредственно в обязательствах из причинения вреда. Выявленные недостатки косвенного выбора права в виде казуистичной правовой неопределенности, риска расщепления применимого права и попираания интересов сторон на обособленное регулирование договорных и деликтных обязательств, не являются неустранимыми и могут быть преодолены посредством обращения сторон к конструкции прямого выбора применимого права.

При этом обосновывается, что опосредованный выбор права в деликтном статуте не может быть отнесен к одному из видов автономии воли в собственном смысле слова. Предпосылкой для этого является отсутствие действительной воли сторон (акцессорная привязка ориентируется лишь на гипотетическую волю), а также то обстоятельство, что воля сторон не является в контексте акцессорной привязки определяющим фактором для изменения компетентного правопорядка, она рассматривается законодателем как один из критериев, подверженных возможности судебного усмотрения. В этом отношении, по своей правовой природе опосредованный выбор права относится к инструментарию гибких объективных коллизионных норм, а не к материально-правовому способу определения применимого права.

Данное обстоятельство не позволяет сделать вывод, что разные по правовой природе правовые институты должны подвергаться одним и тем же ограничениям лишь в силу того, что служат одной цели – определить применимое право. Следовательно, экстраполяция ограничений, предусмотренных для прямого выбора применимого права в деликтах на опосредованный выбор, не

имеет достаточных догматических оснований. Таким образом, автономия воли является институтом, ориентированным исключительно на желание двух частных лиц отказаться от компетентности определённого правопорядка. Законодатель при этом создаёт определённые рамки, в которых подобная воля будет легитимной в обязательствах, возникающих недобровольно. Напротив, опосредованный выбор права предполагает судебское усмотрение и является лишь одним из критериев для определения применимого права. В его отношении установление столь же ригидных границ (например, запрета *ex ante* выбора), как и для изменения применимого права только волей сторон, является излишним.

В **Главе III «Ограничения автономии воли в деликтных обязательствах»** на основе европейского и российского опыта производится анализ ограничений автономии воли в деликтном статуте и формулируется их характеристика в качестве обоснованных или требующих пересмотра.

В **параграфе 1 «Критерии, которым должно соответствовать выбираемое сторонами деликтных обязательств право»** автор обосновывает допустимость «негативной автономии воли», т.е. волевого исключения какого-либо правопорядка из числа потенциально применимых, отстаивает допустимость в деликтном статуте выбора в качестве источника международно-правового договора, не ратифицированного относимыми государствами. Вместе с тем, выбор сторонами обязательства из причинения вреда в качестве применимого права общих правовых принципов, обременен существенными рисками и должен рассматриваться лишь в качестве материально-правового фактора, имеющего значение для толкования соглашения.

При заключении сторонами арбитражного соглашения, а также при обращении к опосредованному выбору применимого права, выявлены основания для допустимости выбора сторонами деликта вненациональных источников в качестве применимого права. По результатам анализа современного уровня развитости права *lex mercatoria* сделан вывод о правомерности постановки вопроса о распространении прямого выбора сторонами вненациональных источников в качестве применимого права не только на договорный, но и на деликтный статут в рамках дальнейшего развития международного частного

права в целом и права *lex mercatoria* в частности. С учётом экстраполяции выработанных в договорном статуте требований о системности и сбалансированности вненационального акта, выбор вненациональных источников отвечает идее индивидуализированного регулирования, удовлетворения частного спроса, а также способствует росту привлекательности российского права и системы правосудия в контексте конкуренции правопорядков. В случае, если выбранный сторонами вненациональный источник не соответствует критериям системности и сбалансированности, применимое право может определяться как посредством выбора сторонами национального права для субсидиарного применения, так и путем определения исполняющего правопорядка по объективным коллизионным привязкам.

В параграфе 2 «Ограничения, связанные с недопустимостью ущерба для прав третьих лиц» приводится анализ запрета выбора применимого к обязательствам из причинения вреда права в случае, если такой выбор имеет влияние на правовое положение иных участников оборота.

Догматической основой придания соглашению о выборе применимого права относительного, а не абсолютного эффекта являются принцип защиты ранее приобретенных прав и доверия, а также принцип относительности обязательств. Обязательственный характер деликтов при этом позволяет прийти к выводу, что ограничения, связанные с ущербом для прав третьих лиц, во многом аналогичны договорному статуту и не столь выражены, как в вещных правоотношениях, осложненных иностранным элементом.

В число третьих лиц, права которых защищаются данным ограничением автономии воли в деликтных обязательствах, входят в первую очередь страховщики; иждивенцы; лица, которым сторона соглашения причинила вред здоровью и в связи с этим обязана производить регулярные выплаты; лица, которым выплачиваются алименты стороной соглашения; соответчики, не желающие осуществлять аналогичный выбор применимого права, в том числе сопричинители вреда, сталкивающиеся с новыми правилами распределения ответственности (солидарного или долевого механизма возмещения).

Недопустимость произвольного вмешательства в частную сферу третьего лица и отрицательный аспект автономии воли (возможность отклонить предложение о подчинении правоотношения определенному праву) позволяют сделать вывод в пользу толкования запрета на нанесение ущерба правам третьих лиц в качестве недопустимости любого несанкционированного вмешательства. Таким образом, даже в случае, если по мнению сторон вновь избранный правопорядок является более благоприятным для третьего лица, без согласия последнего такой выбор должен быть невозможен, исходя из необходимости сохранения возможности принять или отклонить преимущество в том числе на уровне коллизионно-правового инструментария.

В *параграфе 3 «Непоименованные ограничения выбора применимого права в деликтных обязательствах»* в числе непоименованных границ автономии воли в работе подробно рассматриваются следующие способы конструирования соглашения о выборе права:

- Частичный выбор права в узком смысле, т.е. искусственная дифференциация применимого права в рамках одного и того же основания обязательства, является допустимым при отсутствии в нем неустранимых противоречий и грубого нарушения сбалансированности регулирования;

- Кумулятивный выбор права возможен, но не обладает существенным потенциалом для широкого практического применения;

- Последующее изменение выбранного права принципиально допустимо;

- Альтернативное соглашение о выборе права *de lege lata* не является правомерным;

- Подразумеваемое соглашение о выборе права возможно, однако в условиях меньшего количества свидетельствующих о нем факторов, нежели в договорном статуте.

В **Заключении** отражены основные итоги исследования, сделаны выводы и обобщения.

III. ПУБЛИКАЦИИ АВТОРА ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

Работы, опубликованные в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных для защиты в Диссертационном совете МГУ имени М.В. Ломоносова 051.1 по специальности 5.1.3. «Частно-правовые (цивилистические) науки»

1. Куташевская Я.С. Принцип автономии воли как способ нивелирования проблемы конкуренции внедоговорных требований в международном частном праве // Вестник гражданского права. 2022. № 4. С. 83 - 115. (1,9 п.л.) (импакт-фактор РИНЦ: 1,682);

2. Куташевская Я.С. Историческое развитие принципа автономии воли при определении права, применимого к внедоговорным обязательствам // Вестник Московского университета. серия 11. право. 2022. №1. С. 46-65. (1 п.л.) (импакт-фактор РИНЦ: 0,358);

3. Куташевская Я.С. К вопросу о критериях, которым должно соответствовать выбираемое сторонами внедоговорных обязательств право // Законодательство. 2023. №9. С. 52-58. (0,6 п.л.) (импакт-фактор РИНЦ: 0,186);

4. Куташевская Я.С. Осуществление частичного выбора применимого права в трансграничных деликтных обязательствах: опыт Европейского Союза // Право и государство: теория и практика. 2024. № 4(232). С. 357-360. (0,4 п.л.) (импакт-фактор РИНЦ: 0,194).

Иные публикации:

1. Куташевская Я.С. Коллизионное регулирование преддоговорной ответственности в системе внедоговорных обязательств // Коммерческий арбитраж. 2020. № 2(4). С. 182-209. (2,1 п.л.);

2. Куташевская Я.С. К вопросу о правовой природе опосредованного выбора применимого права в деликтном статуте // Цивилистика. 2024. №1. С. 46-57. (0,9 п.л.).